

Лирика Е. А. Боратынскаго ¹⁾.

(Окончаніе).

Въ первомъ періодѣ своей литературной дѣятельности, сохраняя связи съ современной жизнью и литературой, Боратынскій достигъ большого успѣха, но по мѣрѣ того, какъ развивалась его индивидуальная поэзія, поэтъ все дальше и дальше отходилъ отъ современныхъ интересовъ и былъ какъ бы полузабытъ въ 30-хъ годахъ. Послѣдній сборникъ поэта—„Сумерки“—произвелъ впечатлѣніе привидѣнія и вызвалъ недоумѣніе въ читателяхъ, не умѣвшихъ дать отчета въ томъ, „какая это тѣнь“. „Сумерки“ открывались посвященіемъ князю П. А. Вяземскому „счастливаго сына уединенья“, пріѣтомъ одинокаго пѣвца изъ глуши, „гдѣ сердца вѣтренные сны и мысли празднаго стремленья разумны усыплены“ имъ, гдѣ поэтъ

Позабылъ, какъ бы во гробѣ,
Но добровольно, шумный свѣтъ.

Самъ поэтъ такъ говорилъ въ посвященіи о своихъ стихахъ:

Вамъ приношу я пѣснощѣнья,
Гдѣ отразилась жизнь моя,
Исполнена тоски глубокой,
Противорѣчій, слѣпоты
И между тѣмъ любви высокой,
Любви добра и красоты.

Поэзію третьяго періода лирики Боратынскаго можно опре-

¹⁾ См. „Русская Старина“ июнь 1914 г.

дѣлать, какъ поэзію разлада, или вѣриѣ—поэзію разладовъ, внушающихъ поэту глубокую тоску и глубоко-скорбныя пѣсни:

Обращусь-ли къ небесамъ,
Оглянуся-ли на землю,—
Грозно, черно тутъ и тамъ;
Вопль унылый я подьемлю.

Живо почувствовалъ поэтъ свой разладъ съ окружающею его дѣйствительностью, съ печальной, какъ ему казалось, современностью, пошедшей „желѣзнымъ путемъ“ утилитаризма: современная „общая мечта“ безстыдно занята „насущнымъ и полезнымъ“, и „не слышны лиры звуки въ первобытномъ раѣ музъ“. И Боратынскій создаетъ своего „Послѣдняго Поэта“¹⁾, какъ онъ чуждаго и ненужнаго въ кипящей жизни, занятой другими вопросами; послѣдній поэтъ воспѣваетъ любовь и красоту, но суровымъ смѣхомъ отвѣчаютъ ему на горячіе призывы:

Вѣрьте сладкимъ убѣжденьямъ
Васъ ласкающихъ очесъ
И отраднымъ откровеньямъ
Сострадательныхъ небесъ!

Поэзія или, по крайней мѣрѣ, такая поэзія ненужна въ новомъ желѣзномъ вѣкѣ, и передъ скалой Левкада, тамъ, гдѣ родилась витимная міровая лирика, въ волнахъ моря

Погребетъ питомецъ Аполлона
Свои мечты, свой *безполезный даръ!*

Трагедіей одиночества, разладомъ съ современною жизнью и ея интересами открываются „Сумерки“, и этимъ разладомъ окрашивается весь послѣдній періодъ въ творествѣ Боратынскаго, и обуславливаются другіе разлады въ душѣ поэта.

Вмѣстѣ съ обостреніемъ разладовъ въ лирикѣ Боратынскаго, муза его пріобрѣтаетъ еще болѣе личное „необщее“ выраженіе и достигаетъ поразительной художественной силы, какъ въ музыкальныхъ тонахъ гармоніи, такъ и въ яркихъ и смѣлыхъ краскахъ образовъ его поэзии. Самыя отвлеченныя понятія и глубокія душевныя мысли и движенія поэта находятъ собѣ пластическое выраженіе. Таковъ міръ въ „Послѣд-

¹⁾ „Послѣдній Поэтъ“ написанъ въ 1834 году, но былъ включенъ поэтомъ въ „Сумерки“.

немъ Поэтѣ“, когда преданъ погребенію послѣдній безполезный даръ:

И попрежнему блистаетъ
Хладной роскошю свѣтъ:
Серебрить и позлащаетъ
Свой безжизненный скелетъ.
Но въ смятеніе приводитъ
Человѣка гласъ морской,
И отъ шумныхъ водъ отходитъ
Онъ съ тоскующей душой.

Таковы, въ особенности, картины „Осени“, въ которыхъ рисуется духовная нищета „оратая жизненнаго поля“ — человека „въ осень дней“:

Зови-жь теперь на праздникъ честный міръ!
Спѣши, хозяинъ тороватый!
Проси, сажай гостей своихъ за пиръ
Затѣйливый, замысловатый!
Что лакомству пророчить онъ утѣхъ!
Какимъ разнообразьемъ брашенъ
Блится онъ! Но вкусъ одинъ во всѣхъ
И какъ могила людямъ страшенъ;
Сядись одинъ и тризну соверши
По радостямъ земнымъ твоей души!

(„Осень“, 1837).

Въ „Осени“ проявились всѣ особенности третьяго періода творчества Боратынскаго, въ „Осени“ выразился наиболее ярко не только поэтъ-мыслитель, но и поэтъ-художникъ, неразрывно связанный съ первымъ. Въ этомъ стихотвореніи — лирической поэмѣ замѣчательны не только сила и богатство образовъ и выраженій ¹⁾, не только широко-написанныя кар-

¹⁾ См., напримѣръ, 10 строфу:

Но если бы негодованія крикъ,
Но если бъ вопль тоски великой
Изъ глубины сердечныя возникъ
Вполнѣ торжественной и дикой:
Костями бы среди своихъ забавъ
Содроглась вѣтреная младость,
Играющій младенецъ, зарыдавъ,
Игрушку бъ выронилъ, и радость
Покинула бъ чело его на вѣкъ,
И заживо бъ въ немъ умеръ человекъ.

тины, но и глубокой символизм ихъ, гармоническое слияніе картинъ природы съ душевнымъ состояніемъ человѣка, осень природы, когда „сіяньемъ хладнымъ солнце блещетъ, и лучъ его въ зеркалѣ зыбкомъ водъ невѣрнымъ золотомъ трепещетъ“, когда „сѣдая мгла вѣется вокругъ холмовъ“,—и осень человѣка, когда „неодолимый свѣтъ“ разгоняетъ всѣ призраки, обнажая „язвительный неотразимый стыдъ“ обмановъ и обидъ души оратая жизненнаго поля. Таковъ высокій символическій смыслъ, и въ послѣдней строфѣ наиболѣе сильно передаетъ зиму человѣка богатая художественными достоинствами картина зимы природы:

Зима идетъ, и тощая земля
 Въ широкихъ лысинахъ безсилъ,
 И радостно блиставшія поля
 Златыми класами обилья:
 Со смертью жизнь, богатство съ нищетой,
 Всѣ образы години бывшей
 Сравняются подъ свѣжной целеной,
 Однообразно ихъ покрывшей:
 Передъ тобой таковъ отпынѣ свѣтъ;
 Но въ немъ тебѣ грядущей жатвы нѣтъ.

(1837)

Этотъ безотрадный исходъ „Осени“, глубокая тоска, слышится въ очень многихъ стихотвореніяхъ Боратынскаго третьяго періода, но ни въ одномъ не достигаетъ той степени страшной обнаженности, какъ въ его мрачномъ гимнѣ безнадежности— „На что вы дни“, въ которомъ грядущее

Безмысленно глядитъ, какъ утро встанетъ,
 Безъ нужды ночь смѣня;
 Какъ въ мракъ ночной бесплодный вечеръ канетъ,
 Вънець пустого дня!

(1840).

Въ связи съ возрѣніями, выраженными въ „Послѣднемъ Поэтѣ“, въ связи съ признаніемъ себя ненужнымъ въ желѣзномъ вѣкѣ, разладъ поэта и общества создаетъ въ его поэзіи разладъ и между признаніемъ творчества „божественнымъ порывомъ“ и его отрицаніемъ. Пусть искусство является „божественнымъ порывомъ“, пусть голосъ Генія будетъ звученъ „въ

горномъ клирѣ“,—можетъ быть, все же слѣдуетъ опрокинуть треножникъ и не только потому, что грядущее судить только повторенія, и

Эти радости, печали,
Музыкальныя скрижали
Выражаютъ ихъ давно.

Но и потому, можетъ быть, слѣдуетъ опрокинуть треножникъ, что какъ бы ни была звучна пѣсня Генія, она *ненужна* людямъ,—и послѣдній поэтъ погребаетъ свой *безполезный* даръ. Но если высшій, божественный даръ является бесполезнымъ, ненужнымъ „въ здѣшнемъ мірѣ“, то можно ли назвать этотъ ненужный даръ высшимъ даромъ?

Межъ насъ не вѣдаетъ поэтъ,
Его полетъ высокъ иль нѣтъ!
Самъ судія и подсудимый,
Пусть молвитъ: пѣснопѣвца жаръ—
Смѣшной недугъ иль высшій даръ?
Рѣшить вопросъ неразрѣшимый.

И до конца жизни въ творествѣ Боратынскаго остался этотъ вопросъ неразрѣшеннымъ, да и не могъ произойти судъ поэзіи, потому что не было (или, по крайней мѣрѣ, такъ казалось поэту) судей—не было тѣхъ, для кого поетъ пѣвецъ, являвшійся, такимъ образомъ, одновременно и въ роли судьи, и въ роли подсудимаго; въ третьемъ періодѣ, подъ вліяніемъ общаго мрачнаго тона, которымъ окрашивалась его лирика, поэтъ готовъ былъ признать творчество „смѣшнымъ недугомъ“, игрушкой, которою тѣшится младенецъ, роняющій ее при голосѣ истины. Въ эти минуты поэту кажется, что „жизнь и волненье одно“, жизнь дана для безцѣльнаго волненія, а искусство является игрушкой для тѣхъ, кого миновали общія смуты, и кто „заботу самъ вымышляетъ себѣ: лиру, палитру, рѣзецъ“. И это антологическое стихотвореніе, написанное почти скульптурно, прекраснымъ элегическимъ дистихомъ, носитъ заглавіе „Мудрецу“ (1840). Искусство бессильно не только потому, что оно не въ состояніи измѣнить пути желѣзнаго вѣка, но и бессильно само по себѣ. — Чѣмъ бы ни кончилось „послѣднее вихревлеченіе“ думъ и чувствъ,—мертвящимъ ли душу хладомъ, или признательнымъ смиреніемъ предъ оправданнымъ Промысломъ:

Знай, *внутренней своей воюшки ты*
Не передашь земному звуку
 И темныхъ чадъ житейской суеты
 Не посвятишь въ свою науку:
 Знай, дольная иль горная, она
 Намъ на землѣ не для земли дана.

Наиболѣе ярко обозначился въ третьемъ періодѣ и разладъ между голосомъ разума и непосредственнымъ чувствомъ, разладъ, составляющій основу всей скорбной поэзіи Боратынскаго, но углубляющійся и обостряющійся въ особенности къ 40 годамъ, когда поэтъ готовъ былъ проклинать торжество мысли, разрушающей призраки чувства и мечты. Этотъ разладъ чувства и разума поистинѣ можно назвать міровой трагедіей человѣчества, о которой знали древніе и которую воплощали въ образахъ Дельфійской религіи. „Послѣдняя Смерть“ Боратынскаго страннымъ образомъ напоминаетъ лирическія партіи хора въ „Антигонѣ“: и здѣсь и тамъ мы находимъ прославленіе гордаго человѣчества, непрерывными трудами, при руководящей роли разума, достигшаго высокой степени культуры, но несостоятельнаго передъ смертью и передъ высшими божественными законами. Начало этой міровой трагедіи въ творчествѣ Боратынскаго относится ко второму періоду, къ „Послѣдней Смерти“ (1827), въ которой поэтъ описываетъ „разума великолѣпный пиръ“: человекъ заставилъ всѣ стихіи признать свой хитрый законъ,

Ужъ онъ морей мятежныя пучины
 На островахъ искусственныхъ селилъ,
 Онъ разсѣкалъ небесныя равнины
 По прихоти имъ вымышленныхъ криль;
 Все на землѣ движеніемъ дышало,
 Все на землѣ какъ будто ликовало.
 Исчезнули безплодные года:
 Орацаи по волѣ призывали
 Вѣтра, дожди, жары и холода,
 И вѣрною сторицей воздавали
 Посѣвы имъ; и хищный звѣрь исчезъ,
 Во тьмѣ лѣсовъ, и въ высотѣ небесъ,
 И въ безднѣ водъ сраженный человекомъ.
 И царствовалъ повсюду свѣтлый миръ.
 Вотъ, мыслилъ я, прельщенный дивнымъ вѣкомъ,
 Вотъ разума великолѣпный пиръ!

Врагамъ его и въ стыдъ и въ поученье,
Вотъ до чего достигло просвѣщенье!

Разумное начало побѣдило въ человѣкѣ и изгнало страсти, „и умственной природѣ уступила тѣлесная природа“, но результатомъ этого великолѣпнаго пиршества былъ одинъ туманъ надъ тишиной смерти, туманъ, дымившійся „жертвою очистительной“. Намѣченная яркими картинами во второмъ періодѣ, эта трагедія развивается въ „Сумеркахъ“ въ цѣломъ рядѣ стихотвореній. „При свѣтѣ просвѣщенія“ исчезаютъ „поэзіи младенческіе сны“: „лучше, смертный! въ дни незнанья радость чувствуетъ земля“; „при свѣтѣ просвѣщенія“ сынъ земли отходитъ отъ земли, нарушаетъ свой извѣчный договоръ съ матерью-землею и порабощаетъ ее: земля перестаетъ чувствовать радость и не внушаетъ ее болѣе своимъ оторвавшимся въ отвлеченное сынамъ. Только море остается „свободнымъ и просторнымъ“, только „море синее одно человѣку непокорно“, и потому-то

...въ смятеніе приводитъ
Человѣка гласъ морской,
И отъ шумныхъ водъ отходитъ
Онъ съ тоскующей душой.

Насколько эта міровая тема обусловлена у Боратынскаго воздѣйствіемъ Руссо и отчасти Шиллера ¹⁾, опредѣлить невозможно, но воздѣйствіе должно быть незначительнымъ, такъ какъ этотъ разладъ Боратынскій сознаетъ какъ личный, и онъ проходитъ черезъ всю жизнь и творчество поэта въ ярко-индивидуальной окраскѣ и въ самостоятельной постановкѣ. Гармонія природы нарушается призрачной свободой человѣка: „душа не то поетъ, что море и ропщетъ мыслящій тростникъ“, по слову другого поэта; у Боратынскаго эта тема широко развита въ „Примѣтахъ“:

Пока человѣкъ естества не пыталъ
Горниломъ, вѣсами и мѣрой,
Но дѣтски вѣщаньямъ природы внималъ,
Ловилъ ея знаменья съ вѣрой;

¹⁾ Сравнить „Элевзинскій праздникъ“ послѣдняго:

Чтобъ изъ низости душою
Могъ подняться человѣкъ,
Съ древней матерью-землею
Онъ вступи въ союзъ навѣкъ...

(переводъ В. А. Жуковскаго).

Покуда природу любилъ онъ,—она
 Любовью ему отвѣчала.

.
 Въ пустынь безлюдной онъ не былъ однимъ:
 Привѣтная жизнь въ ней дышала.
Но чувство презрѣвъ, онъ доверилъ уму,
Вдался въ суету изысканій...
 И сердце природы закрылось ему,
 И нѣтъ на землѣ прорицаній.

Мысль исключаетъ, по мнѣнію Боратынскаго, все живое; мысль является источникомъ дисгармоніи чловѣка и природы, мысль разрушаетъ „чудный градъ“ искусства, мысль уничтожаетъ чувство и подымаетъ покровъ съ сокровеннаго, обнажаетъ правду, лишаетъ жизнь красочности, является слишкомъ трезвой на праздникъ жизни. Даръ насмѣшливо торжествующаго ума—„мертвящій душу хладъ“:

Все мысль, да мысль! художникъ бѣдный слова!
 О жрецъ ея! тебѣ забвенья нѣтъ;
 Все тутъ, да тутъ и чловѣкъ, и свѣтъ,
 И смерть, и жизнь, и правда безъ покрова.
 Рѣзецъ, органъ, кисть! счастливъ, кто влекомъ
 Къ нимъ, чувственнымъ, за грань ихъ не ступая!
 Есть хмѣль ему на праздникъ мірскомъ!
 Но предъ тобой, какъ предъ нагимъ мечемъ,
 Мысль, острый лучъ!—блѣднѣетъ жизнь земная.

Изъ этой трагедіи, изъ коллизіи между хмѣлемъ жизни и острымъ лучемъ мысли не можетъ быть никакого исхода, потому что кто увидѣлъ правду безъ покрова, тотъ не можетъ принимать участія на праздникъ жизни и удовлетворяться только чувственнымъ искусства, не ступая за его грань: мысль и чувство до конца остаются непримиренными въ творествѣ Боратынскаго. Но есть другой исходъ — подчинить и то, и другое—и мысль и чувство—одному высшему началу.

И Боратынскій пытается опереться одной пятой своей на живую вѣру, зная, что и въ этомъ случаѣ онъ неуязвимъ для безжалостнаго нагого меча мысли. И поэтъ начинаетъ въ своемъ творествѣ внимать „въ весельи и тиши лучамъ небесъ раскрывшейся души“, и хотя предчувствуетъ утоленное разумѣніе въ признательномъ смиреніи передъ оправданнымъ Промысломъ, не падаетъ ницъ, такъ какъ въ немъ еще силенъ ропоть, и

душевный разладъ не находитъ себѣ примиренія. Поэтъ—крылатый вздохъ, какъ недоносокъ, носится межъ землей и небесами, и не дано ему завистливой судьбой провидѣніе небесъ:

Міръ я вижу какъ во мглѣ;
 Арфъ небесныхъ отголосокъ
 Слабо слышу... На землѣ
 Оживлялъ я недоносокъ:
 Отбылъ онъ безъ бытія,
 Роковая скоротечность!
 Въ тягость роскошь миѣ твоя,
 О бессмысленная вѣчность!

И такъ же остро сознаетъ поэтъ разладъ неба и земли, какъ сознавалъ разладъ ума и чувства, какъ сознавалъ разладъ между собой и новымъ поколѣніемъ, и въ этомъ возгласѣ—„въ тягость роскошь миѣ твоя, о бессмысленная вѣчность“!—далеко еще до паденія ницъ предъ оправданнымъ Промысломъ.

И прежде, чѣмъ признать оправданіе Высшаго начала, поэтъ задается вопросомъ о добрѣ и злѣ, о возможности примиренія между добромъ и зломъ, между свѣтомъ и тьмою:

Двѣ области—сіянія и тьмы—
 Исслѣдовать равно стремимся мы.

Быть можетъ, обѣ области равноцѣнны, равно правы, и только одно пошлое, суета страшна? Быть можетъ, равно отрадны и правы упоенія и отравы бытія, милыя преданія сердца и прошлыя страданія? Въ творчествѣ Боратынскаго отсутствуетъ демонологическая поэзія, и онъ рѣдко подымалъ завѣсу съ откровеній преисподней, но нѣкоторымъ намекомъ, только намекомъ, могутъ служить его стихотворенія „Бокалъ“ (1835), „Благословенъ святое возвѣстившій“ (1839) и „Толпѣ тревожный день привѣтенъ“ (1839). Въ „Бокалѣ“ поэтъ не открываетъ „танинъ счастья“ своего, но все же говорить:

Вотъ теперь со мной бесѣдуй,
 Своенравная струя!
 Уносмя проповѣдуй
 Иль отравы бытія;
 Сердцу милыя преданья
 Благодатно оживи
 Или прошлыя страданья
 Миѣ на память призови!

О бокальъ уединенья!
 Не усилены тобой
 Пошлой жизни впечатлѣнья,
 Словно чашей круговой:
Плодородный, благодный,
Дивной силой будишь ты
Откровенья преисподней
Иль небесныя мечты!

Быть можетъ, разрѣшеніемъ вопроса, „примиреніемъ откровеній преисподней“ и небесной мечты является стихотвореніе „Толпѣ тревожный день привѣтенъ“: толпѣ страшна ночь безмолвная съ ея видѣніями раскованной мечты, но не страшно это безмолвіе „легкокрылыхъ грезъ“ поэту:

Видѣній дня боимся мы,
 Людскихъ суетъ, заботъ юдольныхъ.

Но не страшны „легкокрылыя грезы“—дѣти волшебной тьмы:

Ощупай возмущенный мракъ:
 Исчезнетъ, съ пустотой сольется
 Тебя пугающій призракъ,
 И заблужденью чувствъ твой ужасъ улыбнется.

Не долженъ страшиться сынъ фантазіи, баловень благодатныхъ фей—поэтъ и тревожнаго дня, не долженъ слабѣть душою передъ заботою земною, такъ какъ:

Ей исполинскій видъ даетъ твоя мечта;
 Коснися облака нетрепетной рукою,—
 Исчезнетъ; а за нимъ опять передъ тобою
 Обители духовъ откроются врата.

Въ 1842 году выпустилъ поэтъ свои сумерки души, и пріемъ, оказанный его „Сумеркамъ“, заставилъ его еще больше и острѣе почувствовать свое одиночество среди „новыхъ племенъ“, къ которымъ онъ летѣлъ душой, но которыя не захотѣли или не смогли понять сумеречнаго поэта-пессимиста. Въ 1842 году онъ написалъ три стихотворенія, и въ послѣднемъ изъ этихъ стихотвореній („На посѣвъ лѣса“) поэтъ погрѣбаетъ свой бесполезный даръ:

Отвѣта нѣтъ! Отвергнулъ струны я,
 Да кряжь другой мнѣ будетъ плодоносенъ!

И вотъ ему несетъ рука моя
 Зародыши дубовъ, елей и сосенъ.
 Пусть вѣрую, простясь я съ лирой моею,
 Что нѣкогда ее замѣнятъ эти
 Поэзии таинственныхъ скорбей
 Могучія и сумрачныя дѣти!

Къ 1843 году относится всего одно стихотвореніе, и въ немъ поэтъ отрывается „отъ музы ласковой“ къ нему и говорить: „до завтра звуки, пусть день угаснетъ въ тишинѣ“.

Въ 1844 году начинается новая весна въ творествѣ Боратынскаго, и „Молитвой“ (первымъ стихотвореніемъ этого года) начинается разрѣшеніе разладовъ, мучительныхъ въ теченіе всей жизни поэта. Смерть пресѣкла новый путь развитія творческой думы поэта, и всѣ поднятые имъ вопросы остались неразрѣшенными и глубоко скорбными передъ новыми поколѣніями, передъ тѣми читателями, которыхъ нашелъ Боратынскій въ потомствѣ:

Мой даръ убогъ, и голосъ мой не громокъ;
 Но я живу, и на землѣ мое
 Кому-нибудь любезно бытіе!
 Въ стихахъ моихъ далекій мой потомокъ
 Узритъ его: какъ знать! душа моя
 Окажется съ душой его въ сношеньи,
 И какъ нашелъ я друга въ поколѣньи—
 Читателя найду въ потомствѣ я.

М. Гофманъ.

